

Вопросы ученика и ответы старца преподобный Лев Оптинский (Наголкин)

Представленные вопросы ученика и ответы старца представляют собой келейные записки Павла Петровича Тамбовцева, одного из учеников преподобного старца Льва. Павел занимался перепискою книг святых отцов, и иногда, под диктовку старца писал ответы к многочисленным его духовным детям.

Келейные записки под заглавием: „Вопросы ученика и ответы Старца» были впервые напечатаны в журнале Маяк в 1845 году с небольшим предисловием инока, доставившего их издателю. Эти записки могут служить образцом духовной мудрости преподобного Старца и полезны каждому христианину, пекущемуся о своем спасении.

Вопросы ученика (Павла Тамбовцева) и ответы старца

1. Каким образом поступать, когда я, находясь в кругу братии, не могу воздержаться от слов, и когда говорю, то кого-либо обижаю словами?

– Должно помнить произносимый св. Церковию к Богу глас сей: положи, Господи, хранение устом моим и дверь ограждения о устнах моих.

Притом надобно воображать, что те, которые говорят, делают сие в разуме духовном: они сего достойны, а ты считай себя недостойным разговора с ними, и когда спросят тебя, отвечай с благоговением.

Когда же увлечешься сему противным, кайся и старайся неотложно исправиться. Должно еще вести себя так, чтобы братия не заметили в тебе твоей отличности во исправлении.

2. Как поступать, когда я вижу в других вольное выражение мыслей и соблазняюсь; равно как и в тебе, Отче, иногда не видя старческой кротости в обращении с другими, также оскорбляюсь?

– Это тебе кажется так от невнимательности и неразумения твоего. Не должно никого осуждать, ибо ты не знаешь, с какою они целию сие делают, и с какою целию с кем-либо я поступаю. Таковыми поступками скорее обнаруживается внутренний людской характер; и для дышащих презорством это нужно. И так ты не справедлив. Старайся более внимать себе, а не разбирать дела, обращение и поступки других. Ты пришел в училище самоотвержения, исполнять повеленное тебе, но не имеешь права судить, где, когда, и с кем поступают.

3. Я не вижу в братии любви, и для исследования какого-либо предмета из Свящ. Писания не нахожу собеседников?

– Не может быть, чтобы у них не было любви; так должно думать, и по справедливости заключать. Если же ты не видишь в них любви, то это потому, что ты сам в себе любви не имеешь. Покажи прежде сам истинные черты любви, и тогда увидишь, что любовь у них обитает, и к тебе хранится обильно. Притом мы имеем заповедь Божию любить чистосердечно ближних; а искать от них любви о том нигде не сказано. А что они не могут, или лучше сказать, не дерзают беседовать с тобою от Писания, то ты не должен искать сего с ревностью. Где смирение у них, там и простота, а сия Божественная отрасль не испытывает судеб Божиих: она только верою повинуется и до времени довольствуется только теми понятиями, которые ей открывает вера; т. е. не будет Бог о том послушника испытывать: почему он не богословствовал, но почему не внимал себе. Бог не оставит их относительно спасения; если Ему благоугодно будет, то и откроет им тайны Своего смотра; а разум, просвещенный светом Божиим, по мере веры, выше всякого учения: ибо естественно, разум изобрел учение, а не учение разум.

4. Почему, в течение пятилетнего жительства в пустынной здешней обители, стараясь сколько-нибудь о собственном назидании, я чувствую, напротив, что действительно сделался хуже, о чем свидетельствуют неосмотрительные мои поступки, хладность сердца и недостаток великодушия?

– Весьма редкие в столь короткое время возлетали крилами веры и добродетелей на духовное небо, ощущали в себе нелестные залогов упований, обручение будущей славы. Весьма не многие, после продолжительных трудов, ощущали таинственно утешительную награду или цветы искренней деятельности о Господе, обещающие собрание плодов в вышнем вертограде Иисуса Христа; а иные и во всю жизнь свою на земли не ощущали того, и не ощутят, по смотрению небесного Покровителя – Бога, Который всегда лучше о нас промышляет; ибо мы, как бы младенцы в рассуждении судеб Мироправителя, нередко у Него просим таких орудий, кои по достоинству своему и силе спасительны, но по нашему неискуству могут быть употреблены нами в совершенный вред; почему любвеобильный Отец-Светов скрывает от некоторых благочестивых дары, которые одним спасительны, других приближают к погибели. Что бы было, если бы Бог-Всеведец совершенно исполнял все наши желания?... Я думаю, хотя и не утверждаю, что все бы земнородные погибли. Бог, хотя не презирает молитвы избраннейших своих, но желаний их иногда не исполняет, и единственно для того, чтобы по Божественному своему намерению устроить все лучше. При сем можно заметить, что живущие без внимания к самим себе никогда не удостоятся посещения благодати; а если по единственной благости Божией и удостоиваются, то уже пред кончиною. Но видеть себя вне преспеяния не есть еще совершенное неспревание. Таковые чувства могут насаждать в сердце искреннее смирение; а когда ты подлинно имеешь сознание, что лишен плодов духовных, то старайся неослабно усиливать стремление свое к Богу. Когда мы находим себя лишенными добродетелей, и потому не имеем о себе мнения, то сие самое может привлекать Божественное призрение, которое укрепит нас надеждою противу смертного духа отчаяния. Когда мы не успели в добродетелях, то нет ближайшего средства ко спасению как смиренномудрие. Высокомерие и при добродетелях богопротивно: но кроткая мысль пред Богом забвена не будет.

5. От чего это возникло, что я к советам вашим потерял веру и благоговение, что назидания ваши перестали действовать на мое сердце, а что все кажется для исполнения неудобным?

– Вера потеряна от подозрительности, благоговение – от дерзости; а недействие назиданий на сердце бывает от того, что ты слушаешь с некоторым любопытством, считаешь, что я делаю сильные переходы от предмета к предмету, и что решаю твои вопросы простыми выражениями.

Оставь любопытство, храни умеренность в дерзновении; веруй, что Бог тобою руководствует в лице других; не высокоумствуй; держись с простотою послушания, – и будешь тогда ощущать совсем другое в душе твоей. Если же ты благоразумной простоты не имеешь, приобретай оную не доверием себе, а памятью твоего намерения, за чем пришел, вспоминай тот жар, те расположения души, которые ты ощущал в самом начале посещения твоего сердца Богом, священную измену десницы Вышнего. Для истинного послушника, при Божией помощи, нет ничего неудобноисполнимого: истинное самоотвержение всегда будет чувствовать спасительное иго легким. Если искушения не превышают даров Божеских, то желающий спастися все может силою Имени всех укрепляющего Господа Иисуса. И это столь священная истина, что всякий, имеющий сколько-нибудь живой веры, никогда не усомнится. Для маловерия и пылинки кажется горою, равно как для верующего переставлять горы искушения весьма удобно и легко.

**6. Каким образом поступать тогда, когда бываю в кругу
первейших обители нашей Старцев, которые иногда
между собою в разговорах помещают такие
происшествия, что, слыша оные, трудно одержать
победу над смехом?**

– О словах их должно думать так: я не понимаю, по скудоумию моему, на какой конец они говорят это; а не зная их цели, не должно смеяться. Если же нечаянно и невольно усмехнешься, обвиняй самого себя, помня истинные свидетельства св. Отец, что ничто так не разрывает цепь добродетелей и любви Евангельской, как смех и смехотворство. Как обращение скверных мыслей во внутренних чувствах лишает присутствия благодати; так упражнение в смехе и склонность к нему удаляет Ангела-хранителя; добродетели бывают тщетными, – сопряжены, каждая с душевными какими-либо пороками; ограда преспеяния разрушается, и Спаситель мира назначил вечную горесть углубляющимся в смехотворения: «горе вам смеющимся ныне!»

7. Как избавиться от необыкновенно сильных ощущений сладострастия не только в собрании с женским полом, но и при одном воображении о нем?

– При виде их должно хранить ум и чувства, особенно ничего не говорить без осмотрительности, стараясь скорее удалиться; а при воображении, удерживать мысли. Полезно воздержание, а еще вернее – **благоразумная умеренность; но первее всего должно умолять Господа Всемогущего о избавлении от нападений лютейшей сей страсти, ибо человек сам собою никогда ее не искоренит. Но, при нашем произволении, Бог премилосердый угашает порывы сего пламени.**

8. Когда мой ум насильно влекут за собою помыслы сладострастия, как избавиться от нападения их?

– Пойди умом твоим во ад, и чрез зеркало Священного Писания посмотри на плотоугодников. Ужели и ты пожелаешь за временную греха сладость, вечной гибели? Помни, что ты смертный.

Смиренно проси Бога, яко Победителя страстей, да отразит мысленные оные стрелы плоти, – сего врага неукротимо бунтующаго против закона ума и духа; ибо без Вышнего сделать блага не можем ни малейшего.

9. Какое средство употреблять против помыслов, сильно влекущих меня к осуждению ближнего, и особенно того, который меня чувствительно оскорбляет, которого поступки кажутся несообразными званию о Христе и дерзкими, и который также очевидно других братьев оскорбляет; на что взирая и принимая участие в их неудовольствии, более раздражаюсь, не в состоянии быть мирным; а не быть покойным в духе, значит носить душевредную тяжесть?

– При появлении помыслов, побуждающих тебя к осуждению ближнего за нанесенную им тебе обиду, когда расшвырявшая буря мысли устремится ко взаимному отомщению, сообрази состояние скорби твоей с бывшим состоянием скорби Спасителя мира. Сей, великаго Совета Ангел, Сын Божий, будучи без греха, терпел великодушно величайшая скорби; не тем ли более должны терпеть горестные случаи мы, – люди грешные, достойные наказаний. Мы должны также более и обвинять себя: в сем случае, оружием самоосуждения мы будем сражаться с возмутителем духа нашего, невидимым Филистимлянином, окрадывающим Богообразный кивот души нашей. Того, напротив, который наносит нам оскорбления, мы должны почитать благодетелем нашим: он не другое что, как орудие, коим Бог устраивает наше спасение.

Таким образом, мы будем почитать обижающих нас благодетелями, и когда начнем приучать себя к самообвинению, тогда неприметно успеем во внутреннем обвинении, тогда сердце наше, с помощью Вышнего, может сделаться в духовном смысле мягким, кротким; человек соделается вместилищем благодати и мира духовного. Тогда душа почувствует такой мир, которого мы в состоянии горести ощущать или, лучше сказать, вкушать, не можем. Сей-то мир будет просвещать разум подвижника; заря кротости духовной прострет свои лучи на ум, слово, умное чувство, тогда он удобнее может отразить зло, покорить и посвятить сердце всему тому, что только спасительно. Неудовольствия будут уже казаться радостными и приятными.

10. Когда никакая святая мысль и представление не действуют на сердце раздраженное, или предавшееся нечувствию, что должно делать, дабы умягчить себя?

– Должно уединяться, принудить себя к молитве, к излиянию души пред Богом. Когда несколько ослабеют волны нечувствия, тогда изыскивай причину такой хладности. Если возникло от какой-либо страсти, удали оную от себя; а когда сие столь горестное ожесточение водворилось от непроницаемых причин, то более проси Вездесущего, да отразит благодатию своею все причины неверия, злые порождения нечувствия.

11. Каким образом согревается охладевшая душа?

– Словом Божиим, молитвой, смиренным благодарным чувствованием сердца к Богу во всех изменениях, не только наружного состояния, но и внутреннего.

12. Ощущая в себе не только склонность, но и самые действия тщеславия, и желая оно избавиться, каким образом можно успеть в том?

– Если ты будешь продолжать послушание с откровенностью, когда не будешь ни в чем настоятельно склонять старших к соглашению с твоей волею, и выискивать их благоволение к себе, если совершенно повергнешь свое ничтожество пред Богом, то всемогущею благодатию Его можешь со временем избавиться от тщеславия. Сия страсть от юности до преклонных лет и до самого гроба нередко простирается: она не только страстных, преспевающих, но иногда и совершенных преследует; почему и требует не малой осмотрительности. Безстрастный Творец лишь может искоренить ее. О! коль трудно избегнуть сего яда, убивающего плоды и самых зрелых добродетелей.

13. Когда я читаю книги Священного Писания, то назидательнейшие изречения отмечаю, – должно ли так делать, и полезно ли?

– Старец мой, которому, с помощью Всемогущаго, повиновался я более 20 лет, мне это запрещал. Назначенные тобою заметки неприметным образом раждают в сердце следы высокоумия, черты пагубнейшей гордости. Это познано из опыта. Когда Бог мира озарит истинным светом память твою, тогда и без замечаний будешь помнить, где о чем писано и на какой конец. Разум, просвещенный благодатию, укажет тебе в св. Писании все, что нужно для твоего спасения; ибо Писание хотя вообще дано нам от Бога, как бы некоторое руководство к преспеянию, однако имеет свои разделения; например: что особенно относится к властям, что к подчиненным, что к преклонным в летах, что к среднему и малому возрасту, что к инокам, мирским лицам, супругам, девам и проч. Но ты читай книги просто, проси Всепремудраго, чтобы Он начертал волю Свою святую в душе твоей; а когда ты оную исполнишь со смирением, тогда будешь богомудр и остропамятен о Господе.

14. Видя новонаначального брата в некоторых поступках неосмотрительным, или делающим что-либо неблагопристойно, должно ли поправить его?

– Если ты обязан более внимать себе, если ты не имеешь на то благословение от начальника и признаешь себя подверженным страстям, то не входи никак в те предметы и случаи, кои до тебя не касаются. Молчи. Всяк своему Господеви стоит, или падает.

Старайся всемерно сам не быть соблазнителем ближних. Врачу исцелися сам.

15. На субботу должно ли исполнять келейное правило?

– Должно, исключая праздников и тех дней, в которые бывают бдения. Поклоны должны быть поясные.

16. Если я, по случаю отлучки или какого послушания, не могу иметь другого времени для келейного правила, как самое позднее, как поступать?

– Если ты, быв в отлучке, изнемог, то успокойся; правило оставь, смиряясь, не смущайся о том; а когда послушание будет умеренное, постарайся совершить твое правило, и получишь от того не малую пользу. Так однакоже делай до 10 часов; а когда сие время протечет, то прочитай со вниманием вечерние молитвы, успокойся, творя молитву Иисусову, доколе уснешь, дабы готовее быть к утрени и к продолжению послушания на следующий день, если угодно будет Богу благополучно тебя восставить. Но это должно относиться только к послушникам.

17. Я весьма желаю исправить себя, но все увлекаюсь стремлением страстей: что должно делать для преодоления их?

– Желай, и Бог всемогущий даст тебе по сердцу твоему: ибо начало добродетелей и источник есть расположение, желание добра о Господе. Страсти победить сам собою человек не может. Это дело десницы Вышняго, действие силы Божеской. С нашей стороны должно только непосредственно хранить, данное нам от Бога, святое произволение, и по оному пролагать старание достигнуть в страну безстрастия: и Вышний, без сомнения, совершит подвиг желающего. И так, если желаете воскреснуть от гроба страстей, то имей о том всегда внимательную мысль, попечения, неуклонную деятельность, ревность. Уповав на Бога, могущего показать силу Свою в немощах наших благодатию Своею, и спасешься.

18. Каким образом избавиться от рассеяния мысли и в самой молитве?

– Моляся устами, молися и умом, т. е. заключай ум в силу слов молитвы.

Если увлечешься размышлением о каком-либо предмете, то, ощутив свою неосмотрительность в том, углуби свое внимание в молитву. Всегда поступай так, и ощутишь пользу.

Постоянство ума привлекает особенные действия благодати.

19. Сильно одолевает меня леность; как избавиться от нея?

– Если ты нерешительно будешь сражаться с леностию, то никогда не победишь оной; а коль скоро восстанешь против нея с твердым намерением, хотя не без внутренней болезни, то с помощью Божиею можешь одерживать победы. Отражать, хотя и быть гониму, есть знак верного и доброго воина; но обращать всегда хребет – прилично одному ленивому оруженосцу. Человек до гроба должен наблюдать за собою относительно сего порока, дабы не услышать в последний день ужаснейшего определения Сердцеведца: лукавый рабе и ленивый!

В Писании сказано: «побеждающему», а не победившему, потому что мы без помощи Вышнего не можем одолеть врага совершенно, – не можем никогда приобрести над ним никакого перевеса. Только побеждающему дается венец, и только тому, кто выходит на борьбу с твердым намерением – вести брань до последнего издыхания и никогда не оставляет оружия в минуту самых ужасных опасностей, будучи даже в невольном плене, не предает сердца своего врагу. Таковой хотя и бывает иногда разбит, никогда не ослабляет своего священного рвения, жертвует собою неуклонно с духом надежды; и потому успевает или не успевает, – за одно свое намерение венчается, как храбрый и достойный небесных почестей.

20. Как избавиться от угнетения духа уныния?

– Вероятно ты увлекаешься к нему собственной волею. Если оставишь самораспоряжение, будешь начинать всякое дело с благословением Божиим, то с благословением пожнешь мир душевный и прочие плоды Св. Духа. Если оставишь совершенно свою волю, то никогда не будешь ощущать тягостного мрака уныния. Свирепейшие волны страстей утихнут; на их месте возникнут: ясность мыслей, тишина помыслов, кротость духа, нелестный мир, которые приосенят тебя и водворятся в душе твоей. Если ты сохранишь непрерывное внимание и самонаблюдение, то уподобишься мудрым девам, и увидишь в чертог бессмертного Жениха. Жених грядет в полночи! Блюди же, да не отягчишь сердце твое унынием. Дажь славу Господеви Богу твоему, прежде даже не смеркнется. Гряди во имя Господне путем самоотвержения, если желаешь истинно спастися. Уныние преследует всех; даже в великих людях уничтожает спасительные плоды трезвения. Но в простом и истинном послушнике оно не должно иметь места. Кто себя отвергся с упованием на Бога, о чем когда будет унывать! В таком врагу оскудеша оружия в конец.

21. Услышал я о представлении в монашество некоторых братьев, особенно тех, кои вступили в сию обитель после меня: я, равно желая принять Ангельский образ, и не имея на сие благословения начальника, весьма о том беспокоюсь и сетую, не достигая цели. Каким образом водворить в себе потерянное чрез то спокойствие духа?

– Во первых, ты должен смиренно и без дальнего рассуждения покориться воле Божией. Решение начальника есть воля Правителя всяческих; посему, кто не повинуется начальнику, тот не повинуется воле Божией, всем управляющей; а кто не повинуется хотению Божескому, тот горестно подвергает себя удалению благодати, тлетворной печали духа, нестроению, бедствию и всем безразсудным предприятиям. Те, которые прежде тебя представлены к монашеству, вероятно, и должны почитаться достойнее. Желая получить внешний образ Ангельского обручения, потщись прежде сделаться внутренним Ангелом; без внутреннего монашества одно наружное не спасет тебя. По намерению твоему и званию, подражай, по силе, жительству древних св. Отцев, и веруй, что всеми нами управляет Всемогущий Бог. Начальника почитай исполнителем святой и прозорливой воли Его, ибо он таинственно носит образ Иисуса Христа. Так веруя, конечно, не будешь безразсудно приступать к начальнику. Да и смеем ли мы на Господа Иисуса Христа иметь возмущенный дух, когда и с ненавидящими мира мы обязаны быть мирными, кроткими, благопокорливыми? Но о сем я более говорить не стану. Если Бог взирает на сердце и произволение, и призирает на дела каждого, если Он видит все будущия действия наши и самую кончину жизни: то должно ли сомневаться, что Он, яко Всеблагий, устраивает о нас все лучше? Бог только восхощет – естество уже и теряет свой порядок: ибо благодать Его сама собою есть, без сомнения, превыше всякой мудрости и сил мира сего. Что Бог предположил, того никакой совет человеческий разрушить не может. Конечно, Богу не угодно, чтоб ты был воспринят в Ангельский чин. Если ты соделаешься его достойным, то будь

уверен, что или пред кончиною удостоишься оногo, или по разрешении от тела, от Ангелов будешь представлен ко Господу в чине иноческом. Это истинно, и если ты имеешь в душе сколько-нибудь веры, превышающей разум, то можешь сие принять, но если ты такой веры не

имеешь, потщися веровать, и со св. Апостолом Петром взывай: „Господи, приложи ми веру».

Бог зрит на произволение.

Возьми в пример блаженную Таисию, которая, бывши непотребною женщиною, мгновенно, посредством одного решительного самоотвержения, сделалась совершенною инокинею. Когда она возымела и произволение быть единственною рабою Бога, и с непоколебимостью предала сердце свое водительству Иисуса Христа, и когда в такой решительности постигла ее на пути чувственная смерть, тогда спутник ея Преподобный Иоанн, обративший ее помощью Вышнего от стезей разврата на спасительный путь покаяния, к величайшему удивлению увидел чистою душею своею, как Ангелы восхитили в неприступный свет примиренную с Богом душу Таисии. Она еще не достигла пустыни, не знала в чем состоит жизнь иноческая, не была облечена в вожденный ей образ оной; но посредством обращения к Богу, презрения мира и самой себя, мгновенно удостоилась премилосердного суда Господня и преселения в нерукотворенные Божии обители. Не совершенною ли она посему соделалась инокинею? Тайной воле всевысочайшего милосердия угодно было прекратить дни ея в минуту решительного произволения: и вот один благой помысл ея венчается наравне с самым делом. Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит. Если ты желаешь иметь на сие еще яснейшее доказательство, то посмотри очами смирения и веры на того послушника, который, за благое произволение и достойную жизнь, тотчас по погребении облечен был Ангелами в схиму; что мы видим в Истории Печерских св. Отцев. Но увы! тому схимонаху, с которого суд Божий определил снять внешний образ, в доказательство внутреннего его бесплодия!

Если и ты облечешь себя о Христе во образ внутреннего инока, то не безпокойся много о внешнем образе, хотя и не погрешительно желать сего. Сердцеведец, всегда лучшее о нас строящий, по мере твоей веры и дел, Ему угодных, устроит и о тебе. Вспомни о Преподобном Пимене многоболезненном. Множество окажется монахов единственно по произволению, хотя они в здешнем мире не могли, по судьбам Мироправителя, быть постриженными от рук смертных. Преподобная Пелагия, лишь только получила просвещение, познала истинную веру, как пожелала принести плоды достойные покаяния. Крепостью неописанных подвигов соделалась она Преподобною, хотя и не была облечена в мантию от человеков. Мантия означает тесноту, обещание вольной нищеты, чистоты, послушания и смирения монашеского жития; но мантия

внутреннего облачения, предопределенная от Вышнего в награду вечную на небесах, есть священнейшее возложение одежды Св. Духа.

22. Должно ли верить снам, которые (по-видимому) живо представляют будущее?

– Не должно. Хотя бы они в своем роде и действительны были, ибо чрез вероятие снов многие прельстились. Любомудрый старец Феостирикт, сочинивший Параклис Пресвятой Богородице, вверившись снам, наконец так прельстился, что погиб. Посему тот весьма искусен, кто не верит и живейшим представлениям.

23. Что же знаменует следующий виденный мною сон, и заключает ли в себе что-либо достойное вероятия? Может быть он не заслуживает внимания, но я обязан открыть его Старцу?

Вижу я внезапно и мгновенно свет столь лучезарный, что он много превышал свет солнечный. Из этого лучезарного сияния выходил голос громкий и нежный, приказывавший, как бы подчиненным существам: возьмите его (т. е. меня) на крест. С этими словами (не знаю кто) меня взяли, и обнажив одежды, повлекли как бы умственно на крест, который мне живо представлялся, и казалось мне, был сделан из приятного, желтого строевого дерева, достаточный, чтобы меня на оном крестообразно распростерть. Но кто со мною так поступал? Смотри на все стороны, ничего другого я не мог приметить, как только шум и самую скорую деятельность. Когда меня подняли на крест, то действующие говорили тихо, но внятно: «подавайте гвозди». Предложены были четыре гвоздя, каждый не менее как в четверть аршина, и тогда начали мне прибивать одним из них правую руку ко кресту. Здесь я ощущал величайшую боль, хотя и желал в душе своей быть распятым. Имея такие желания сердца, от боли я однако не колебался в духе и едва не выразил голосом ощущаемое страдание; но с помощью Божию не знаю как-то удержался. Когда же мне вонзен был гвоздь, то спустя несколько минут я почувствовал облегчение боли, и потом уже почти не ощущал ее. За тем подали другой гвоздь, подобный первому, и начали вбивать его в левую мою руку. Здесь я хотя и ощущал боль, только несравненно легчайшую первой. Подали третий гвоздь, которым назначено было прибить ко кресту правую мою ногу. Видя, как этот гвоздь был устремлен на меня, я поколебался в духе, и хотел воскликнуть: «помилуйте!» – Но будучи удержан изнеможением собственного духа, ощутив свой недостаток в терпении, за коим однако ж следовало в сердце большее первого желание претерпеть, я обратился умом своим ко Всемогущему Богу, имея в душе неизъяснимую уверенность в том, что Он мне поможет. С такую надеждою я мысленно просил Бога о укреплении: трепетал, желал претерпеть и боялся неустойки, сообразной слабости непостоянного моего духа. Но действительно милосердый Господь хотя и дал мне ощутить ужасную болезнь во всем моем составе, но по милосердию Своему удивительно укрепил меня. Вонзили гвоздь: в духе я весьма ослабел;

однако ж невольно вынеся боль, я скоро начал чувствовать облегчение, потом умеренную болезнь, или лучше одну слабость. Подали четвертый гвоздь и с необыкновенным стремлением вонзили мне в левую ногу, так, что я не успел ни вообразить, ни подумать что-либо. Полагаю, это от ощущаемой слабости: но боль в то время была средняя, так что, казалось, можно бы стерпеть. Несколько времени спустя возгремел от превыспренного Света вторично громкий голос, гораздо яснее первого, но все сопровождаемый духом любви, нежности и благоволения: «вонзите ему (как бы указуя на меня духовным перстом) в самое сердце гвоздь!» Услышав такое определение, и зная свою слабость, я крайне возмутился. Решительность моя поколебалась, тучи страшных мыслей отяготели надо мною: мое сердце то горело желанием, то приходило от страха в оцепенение. Наконец решительность, посвятить себя на претерпение, взяла перевес; все смутные мысли рассеялись и ум мой воспарил к Богу с молитвою о помощи. После сего, как бы ощутив в своем сердце обещание от Господа подать мне помощь, с некоторым трепетом, но вместе с любовью и признательностью к сильному имени Сердцеведа, Который болей есть сердца, и весть вся, приготовился выдержать действие страшного приговора, излетевшего из недр невидимого гласа. (Все это делалось так скоро, что нужно более времени не только описать, но и пересказать словами). Подали пятый гвоздь, который прямо приближался против моего сердца; судя по величине, он мог насквозь пронзить меня, и, кажется, еще осталось бы с обеих сторон более полуаршина. Пока гвоздь еще приближался к моей груди, я находился готовым в надежде на силу Божескую; а как только совершенно приблизился, то я вдруг изменил свое намерение, и хотел было воскликнуть: «помилуйте, за что это?» Мне казалось, что как только исполнится определение, то я лишусь жизни от безмерной болезни. Начали забивать гвоздь против самого сердца, как будто молотами: я почувствовал необыкновенную, столь нестерпимую боль, что дух мой был сражен совершенно. Душа, как будто собрав в себя пораженные, слабые силы, оставила меня без чувств на кресте; и, взлетев из тела, держима была несколько минут каким-то невидимым и неизъяснимым существом. Глаза мои и омертвели и закатились. Голова склонилась, не упомяну, на которую сторону.

Ужасное было зрелище! Душа была во мне, но казалось, вне тела; вскоре, впрочем, начало мне и казаться, что я только чрезмерно изнемог, но душа моя во мне. Болезнь стала умеряться, и вдруг не стало слышно и следов ея.

Мгновенно открылись мои глаза; но я ничего более не ощущал, кроме

того, что я на кресте. Но сердце мое бедное восхищено было и преисполнено толикою сладостью, что того неизобразимого веселия ни тысяща великих умов, ни сам я испытывавший выразить не в состоянии. Сладость эта, думаю, есть чаша предложения сладостей премирных от Пресладкого Мироправителя, Господа нашего Иисуса Христа. Ему только свойственно иметь такого рода стамну манны, и по непостижимой тайне милосердия Его – даровать смертным. Но что я начинаю говорить, безумный, о том, что выразить всей жизни моей недостаточно! Простите! Возвеселилось сердце мое неизреченно, и тогда пламенеющие в мирном духе глаза мои опустились вниз. Я видел себя всего в крови, пригвожденного на кресте. Сладость восхитила мой дух, в сердце остались следы какого-то изумления, которое меня и пробудило от сна.

Теперь первый час после полуночи. Вот я пришел немедленно к вам. Удивляюсь, недоумеваю, радуюсь и ужасаюсь; трепещет сердце мое без боязни от следов сладости и удивления. Скажите мне, что значит этот необыкновенный сон?

– Преподобный Варсанофий Великий пишет, что Самого Иисуса Христа Господа, Ангела и другое лице бесы могут представить, не только во сне, но и наяву: обыче бо сатана преобразатися во Ангела светла; но креста Господня, – на силу которого, как поет св. Церковь, диавол не смеет взирати; трепещет бо и трясется не могий взирати на силу его, – он представить не может. И так крест, виденный тобою во сне, предзнаменует величайшую какую-либо скорбь, а сладость – заступление; чем ты готовее будешь, тем и легче можешь переносить, яко уготовихся, и не смутихся, восклицает св. Давид. Если ж ты поколебался в скорби, держись правила: смутихся и не глаголах. Если ж скорбь твоя чрезмерна, помни следующее: терпя потерпех Господа, и внят ми. Убо воля Господня да будет! Иди, не безпокойся; верен Бог.

(Спустя несколько дней после виденного мною сна, известясь о несчастной, насильственной кончине отца моего, я спросил Старца):

«Я чувствую, что сон мой был предвестник настоящей, неизгладимой скорби, хотя относить его к сему предмету не смею. Несчастливая кончина моего родителя есть для меня тяжкий крест, виденный мною: да, я нахожусь теперь на кресте, которого болезни пойдут со мною во гроб. Воображая о ужасной для грешников вечности, в которой нет уже покаяния, я мучуся представлением вечных мучений, которые ожидают моего родителя, без покаяния умершего. Скажи, отче, чем я могу утешить себя в настоящей горести?»

– Вручай как себя, так и участь родителя воле Господней, премудрой,

всемогущей. Не испытывай Вышнего чудес. Тщися смиренномудрием укреплять себя в пределах умеренной печали. Молись преблагому Создателю, исполняя тем долг любви и обязанности сыновней.

Но каким образом молиться о таковых?

– По духу добродетельных и мудрых так: «Взыщи, Господи, погибшую душу отца моего, аще возможно есть, помилуй! Незследимы судьбы Твои. Не постави мне во грех сей молитвы моей. Но да будет святая воля Твоя».

Молись же просто, без испытания предавая сердце твое в десницу Вышнего. Конечно, не было воли Божией на толь горестную кончину родителя твоего, но ныне он совершенно в воле Могущего и душу и тело ввергнуть в печь огненную, и Который смиряет и высит, мертвит и живит, низводит во ад и возводит. Притом Он толь милосерд, всемогущ и любвеобилен, что благия качества всех земнородных пред Его высочайшею благостью – ничто. Для сего ты не должен чрезмерно печалиться. Ты скажешь: «я люблю моего родителя, почему и скорблю неутешно». Справедливо; но Бог, без сравнения, более, чем ты, любил и любит его. Значит, тебе остается предоставить вечную участь родителя твоего благости и милосердию Бога, Который если соблаговолит помиловать, то кто может противиться Ему?

Вопросы другого ученика (Антония Бочкова) и ответы старца

1. Что такое осуждение и почему отцы применяют осуждающего к антихристу?

– Осуждение есть, когда ты, видя или зная грехи, или порок брата твоего, говоришь от сердца: «Он, по-моему мнению, достоин или муки, или казни, или болезни.» Тогда ты становишься якобы судия ближнего, и хочешь воссесть на престол единого Судии – Христа; потому за гордое безумие твое ты и применяешься ко антихристу. Ино есть злоречие и оглаголение, но это еще не осуждение. Ино есть соблазн, когда невольно по естественному чувству, душа соблазняется на постыдное дело или слово. Молчание отцев, занимавшихся внутренним деланием, не знало грехов ближнего, а видело только одно свое падение.

2. Могу ли я на исповеди говорить о согрешившем со мною в слове или в деле?

– Разве ты хочешь каяться за него? Если он не хочет сознаться в своем грехе, говори только о своем: согреших злословием или страстными разглагольствиями, или чем-либо от таковых.

3. Могу ли я предложить брату принести покаяние старцу в соделанном вместе словесном грехе?

(Старец улыбнулся) – Слишком велико твое рачение о спасении брата твоего. Думаю, что помолиться лучше, чтобы Господь Сам то ему внушил.

4. Отцы говорят, что подробное изъяснение блудных помыслов и дел напрасно, что довольно объяснить их кратким общим словом, что воспоминание о них сквернит уста и помыслы. Так ли это?

– Это так. Отцы были опытнее нас в душевных делах. Но каждому человеку различное правило. Иной старец может бесстрастно и безвредно выслушать твое исповедание; да и ты, положим, можешь не очень страстно и с сокрушением исповедываться подробно, и ко смирению твоему посрамить себя: потому и подробное исповедание (хоть и редко) бывает на пользу. Но видно старцы знали великое милосердие Божие, не желающее крайнего пристыждения нашего; потому и заблагорассудили исповедание худых помыслов сократить. Иногда тебе диавол внушит их: и ты будешь являть не свои помыслы, а его навевание, и он поругается тебе во благом. Иногда и старец, не очень твердый, не вывет скоро помыслы твои из уха своего сердечного.

5. Поэтому злые и хульные помыслы на старца, на его жизнь и слабости лучше умалчивать?

– Каков старец. Лучше умалчивать о подробностях помыслов, а сказать только вообще, что были хульные помыслы на вас. Дьявол иногда хочет поругать и похулить твоими устами старца, а ты потетишь дьявола, ставши его передатчиком. Если же старец опытен, то он, не злясь, тебе это разъяснит; а если малосилен, то возмутится, особенно если такая брань твоя будет продолжительна. Старец может отринуть тебя за твою и свою неопытность. Обличение старца редко Господь попускает сделать младшему, хотя мы должны возлюбить обличающих нас.

6. Как же узнать, какие помыслы собственно наши, какие от противного?

– Мне сказывал один Коневский пустынный, что занимаясь немалое время умным вниманием, он не мог отличить свои помыслы от вражеских. Враг, увлекаая мысль твою на что-либо, не говорит тебе: «Иди, сделай то и то»; а как будто думает за тебя, и говорит тебе мыслию твоею: «Мне хочется сделать то и то; я полагаю, что это полезно, а это вредно; я решился на то и то.» И все это частенько не твои, а вражеские помыслы, прикрытые твоим или его я. Ты полагаешь, что это твои мысли; нет, ты только слушаешь вражеские внушения.

7. Некоторые священники-богословы требуют тончайшего исповедания, для очищения души?

– Оставим их, это их дело. А могут ли они свои правила выполнить, например, если исповедников у иного 500 в три часа?

8. Всем ли дается умная молитва?

– Кого посетит Господь тяжким испытанием, скорбью, лишением возлюбленного из ближних, тот и невольно помолится всем сердцем и всем помышлением своим, всем умом своим. Следственно, источник молитвы у всякого есть; но отверзается он или постепенным углублением в себя, по учению отцев, или мгновенно Божиим сверлом.

9. Некоторые, знаемые мною отцы имеют великую любовь к Матери Божией, и хвалятся тем; мне сомнительно в них такое усердие?

– Да! Кто выставляет на вид свое ублажение, в тех сомнительно. Иногда мы хвалимся и нашими молениями, а между тем далеки от Царицы Небесной. Матерь Божию восхвалим Ея добродетелями, – чистотою, смирением, а не нашим велехвалением.

**10. Какие книги святых отцов лучше читать:
Лествичника, Исаака Сирина или аввы Варсанофия?**

– Слова святых деяньми читай.

11. Что скажете об акафистах, которыми иные переполняют свои правила?

– Слова акафиста кто понимает так, как их песнописец, и вникает в каждое их слово, тот и во акафисте молит или хвалит не без ума; только бы он не приписал себе и своему уму чужие труды и чужие слова, псалмы или гимны: мы только их чтецы. Еще не все Давиды, прочетшие Псалтирь, и не все Дамаскины, прочетшие каноны. Лучше простое, всем нам близкое мытарево моление.

12. Как легче спастись? Каким путем? Я о себе только спрашиваю.

– Вообрази, что Господь Иисус Христос ходит по земле со всею Своею простотою человеческою и евангельскою. Ходя при Нем, был ли бы ты лучше, нежели теперь?

Подумавши, я отвечал старцу: полагаю, что остался бы по-прежнему без особенной благодати Божией; мало ли было последовавших Христу и отпавших?

**Вопрос старца: А чем наипаче привлекается благодать
Божия?**

Ученик: Не ведаю, батюшка.

Старец: Если бы ты был, яко апостолы, простосердечен, не скрывал бы своих человеческих недостатков, не притворял бы себе особенного благоговения, ходил бы нелицемерствуя, то этот путь, хотя как будто легкий, но не всем дается, не всем понятен; а этот путь ближайший ко спасению и привлекает благодать Божию. Непритворство, нековарство, откровенность души, – вот что приятно смиренному сердцем Господу. Аще не будете яко дети, не внидете в Царствие Божие.

13. Отчего я досажую на проходящих к вам, на их глупости, на их невежество, хоть и знаю, что многие пользуются вами?

– Оттого, что сердце твое не сокрушенно. Кто болит любовью к ближнему, тот мало замечает их глупости; а молит Господа со страхом, да внушится, что сказать ближнему на пользу, и дело совета исполняет благоговейно, яко дело Божие. Иногда и после молитвы не находишь ответа полезного: тут устыждаешься и окаяваешь самого себя. При таком чувстве собственного недостойнства – не до глупостей человеческих; готов всякому сказать: помолися обо мне, рабе Божий.

14. Отчего я вас иногда так люблю: как вот теперь (при этом у меня были слезы на глазах и голос дрожал), а иногда на вас досажаю на множество к вам приходящих и стружающих Вам?

– Поймешь ли ты меня? – Оттого, что ты еще не монах, а мимоходящий, еще не оторвался от мира. Ты налету хочешь схватить мои слова, мимоходом спастись, наскоро научиться. Потому и восторги, целованье батюшкина плеча или руки. Я при о.Феодоре был к нему без фанатизма (часто употребляемое слово старца – *Прим. авт.*), мысленно же готов был кланяться ему в ноги с сыновним почтением. Посмотри на игуменью Анатолию и м. Аркадию: оне не завидуют приходящим ко мне, готовы уступить всякому свое время и место, а между тем любят меня более твоего, потому что слова мои исполняют делом (Анатолия Борисовская необыкновенной доброты и теплого сердца женщина; Аркадия Севская, которую и по виду, и по достоинству старец шутя звал царицею. – *Прим. авт.*). Когда-то Господь и тебя совсем освободит от мира. Может быть и ты возлюбишь ближняго своего, яко сам себя. Не желаю тебе и после того Тавифина устройства. (Упоминаемая здесь м. Тавифа жила в Борисовской девичьей пустыни и была не только строгая по жизни монахиня, но и бойкая старица: принимала участие в других и многих наставляла. Но сама была восторженного настроения духа и искала высокого в духовной жизни, не презревши еще вполне человеческой славы и не очистивши себя и от других страстей; недостатки же других судила строго, вероятно по недостатку собственного смирения. Хотя и много была вразумлена старцами, но не оставляла неправильного своего стремления и восторженного настроения; чрез что и впала в прелесть вражию, и скончалась в помешательстве или полупомешательстве. – *Прим. авт.*).

Слова же старца о.Антонию, что может быть и он возлюбит ближняго своего, яко сам себя, сбылись более 30-ти лет спустя после кончины о. Леонида. О. Антоний Бочков, отказавшись от настоятельства в Черемнецком монастыре, в 1871 г. поселился в ските Николо-Угрешскаго монастыря близ Москвы. В этом году в Москве стала усиливаться холера, и потому просили Угрешскаго настоятеля прислать в Москву иеромонахов в помощь московским священникам для напутствования больных и умирающих и для отпевания умерших. Тогда о. Антоний сам изъявил желание посвятить себя этому делу человеколюбия, и в начале 1872 г.

перешел в московскую больницу Чернорабочих, где для него была устроена особая келья; и в продолжение двух месяцев семидесятилетний старец-игумен ежедневно исповедывал и приобщал многих больных, и сам каждый день приобщался; также соборовал человека по три в день, и, случалось, человек по шести в день отпевал умерших, в зимнее время, в холодной часовне. Исполняя все это, о.Антоний говорил о себе, что во всю жизнь никогда не пользовался таким здоровьем и не был так покоен духом, как в это время. Наконец 17 марта, в день бывшего своего тезоименитства, в память Алексия человека Божия, заболел тифом, и 5 апреля скончался. Похоронен в Николо-Угрешском монастыре.

Содержание

Вопросы ученика и ответы старца преподобный Лев Оптинский (Наголкин)	1
Вопросы ученика (Павла Тамбовцева) и ответы старца	2
1. Каким образом поступать, когда я, находясь в кругу братии, не могу воздержаться от слов, и когда говорю, то кого-либо обижаю словами?	3
2. Как поступать, когда я вижу в других вольное выражение мыслей и соблазняюсь; равно как и в тебе, Отче, иногда не видя старческой кротости в обращении с другими, также оскорбляюсь?	4
3. Я не вижу в братии любви, и для исследования какого-либо предмета из Свящ. Писания не нахожу собеседников?	5
4. Почему, в течение пятилетнего жительства в пустынной здешней обители, стараясь сколько-нибудь о собственном назидании, я чувствую, напротив, что действительно сделался хуже, о чем свидетельствуют неосмотрительные мои поступки, хладность сердца и недостаток великодушия?	6
5. От чего это возникло, что я к советам вашим потерял веру и благоговение, что назидания ваши перестали действовать на мое сердце, а что все кажется для исполнения неудобным?	7
6. Каким образом поступать тогда, когда бываю в кругу первейших обители нашей Старцев, которые иногда между собою в разговорах помещают такие происшествия, что, слыша оные, трудно одержать победу над смехом?	8
7. Как избавиться от необыкновенно сильных ощущений сладострастия не только в собрании с женским полом, но и при одном воображении о нем?	9
8. Когда мой ум насильно влекут за собою помыслы сладострастия, как избавиться от нападения их?	10
9. Какое средство употреблять против помыслов, сильно влекущих меня к осуждению ближнего, и особенно того, который меня чувствительно оскорбляет, которого поступки кажутся несообразными званию о Христе и дерзкими, и который также очевидно других братий оскорбляет; на что взирая и принимая участие в их неудовольствии, более раздражаюсь на	11

- принимая участие в их неудовольствии, более раздражаюсь, не в состоянии быть мирным; а не быть покойным в духе, значит носить душевредную тяжесть?
10. Когда никакая святая мысль и представление не действуют на сердце раздраженное, или предавшееся нечувствию, что должно делать, дабы умягчить себя? 12
11. Каким образом согревается охладевшая душа? 13
12. Ощущая в себе не только склонность, но и самые действия тщеславия, и желая одного избавиться, каким образом можно успеть в том? 14
13. Когда я читаю книги Священнаго Писания, то назидательнейшия изречения отмечаю, – должно ли так делать, и полезно ли? 15
14. Видя новоначального брата в некоторых поступках неосмотрительным, или делающим что-либо неблагопристойно, должно ли поправить его? 16
15. На субботу должно ли исполнять келейное правило? 17
16. Если я, по случаю отлучки или какого послушания, не могу иметь другого времени для келейного правила, как самое позднее, как поступать? 18
17. Я весьма желаю исправить себя, но все увлекаюсь стремлением страстей: что должно делать для преодоления их? 19
18. Каким образом избавиться от рассеяния мысли и в самой молитве? 20
19. Сильно одолевает меня лень; как избавиться от нея? 21
20. Как избавиться от угнетения духа уныния? 22
21. Услышал я о представлении в монашество некоторых братьев, особенно тех, кои вступили в сию обитель после меня: я, равно желая принять Ангельский образ, и не имея на сие благословения начальника, весьма о том беспокоюсь и сетую, не достигая цели. Каким образом водворить в себе потерянное чрез то спокойствие духа? 23
22. Должно ли верить снам, которые (по-видимому) живо представляют будущее? 26
23. Что же знаменует следующий виденный мною сон, и заключает ли в себе что-либо достойное вероятия? Может быть он не заслуживает внимания, но я обязан открыть его Старцу? 27

Вопросы другого ученика (Антония Бочкова) и ответы старца	31
1. Что такое осуждение и почему отцы применяют осуждающего к антихристу?	32
2. Могу ли я на исповеди говорить о согрешившем со мною в слове или в деле?	33
3. Могу ли я предложить брату принести покаяние старцу в соделанном вместе словесном грехе?	34
4. Отцы говорят, что подробное изъяснение блудных помыслов и дел напрасно, что довольно объяснять их кратким общим словом, что воспоминание о них сквернит уста и помыслы. Так ли это?	35
5. Поэтому злые и хульные помыслы на старца, на его жизнь и слабости лучше умалчивать?	36
6. Как же узнать, какие помыслы собственно наши, какие от противного?	37
7. Некоторые священники-богословы требуют тончайшего исповедания, для очищения души?	38
8. Всем ли дается умная молитва?	39
9. Некоторые, знаемые мною отцы имеют великую любовь к Матери Божией, и хвалятся тем; мне сомнительно в них такое усердие?	40
10. Какие книги святых отцев лучше читать: Лествичника, Исаака Сирина или аввы Варсанофия?	41
11. Что скажете об акафистах, которыми иные переполняют свои правила?	42
12. Как легче спастись? Каким путем? Я о себе только спрашиваю.	43
Вопрос старца: А чем наипаче привлекается благодать Божия?	44
Ученик: Не ведаю, батюшка.	45
Старец: Если бы ты был, яко апостолы, простосердечен, не скрывал бы своих человеческих недостатков, не притворял бы себе особенного благоговения, ходил бы нелицемерствуя, то этот путь, хотя как будто легкий, но не всем дается, не всем понятен; а этот путь ближайший ко спасению и привлекает благодать Божию. Непритворство, нековарство, откровенность души, – вот что приятно смиренному сердцем Господу. Аще не	46

будете яко дети, не внидете в Царствие Божие.

13. Отчего я досадую на приходящих к вам, на их глупости, на их невежество, хоть и знаю, что многие пользуются вами? 47

14. Отчего я вас иногда так люблю: как вот теперь (при этом у меня были слезы на глазах и голос дрожал), а иногда на вас досадую на множество к вам приходящих и стружающих Вам? 48